

Николай Чуклинов

**Два лика Ра. Книга
1. "Рамзес II:
Владыка Двух
Земель".**

Николай Чуклинов

**Два лика Ра. Книга 1. "Рамзес
II: Владыка Двух Земель".**

«Автор»

2026

Чуклинов Н.

Два лика Ра. Книга 1. "Рамзес II: Владыка Двух Земель". /
Н. Чуклинов — «Автор», 2026

«Я — Рамзес. Я жил. Я правил. Я строил. Я любил». 1279 год до нашей эры. Молодой фараон Рамзес II, едва принявший двойную корону, сталкивается с заговором в собственном дворце, мятежами на границах и угрозой со стороны Хеттского царства. Его отец, великий Сети I, оставил ему не только трон, но и завет: «Кадеш — ключ. Не верь первому виду. Ищи вторую армию». Роман о человеке, который стал величайшим фараоном Египта. О битве при Кадеше, где двадцать тысяч египтян сошлись с тридцатью тысячами хеттов. О городе Пер-Рамсес, построенном на востоке Дельты. О храмах в Абу-Симбеле, вырубленных в скале. О Нефертари — Великой царской супруге, которую он любил, но не смог уберечь. О серебряной пластине — первом в истории мирном договоре. И о том, что ждёт фараона после смерти. Двенадцать часов Дуата. Исповедь перед сорока двумя судьями. Взвешивание сердца. Поля Иару. И встреча с той, кого он потерял. Это не учебник истории. Это история человека. Со страхом, гордостью, ошибками и любовью.

© Чуклинов Н., 2026

© Автор, 2026

Николай Чуклинов

Два лика Ра. Книга 1. "Рамзес II: Владыка Двух Земель".

Два лика Ра.

Книга I. «Рамзес II: Владыка Двух Земель».

ПРОЛОГ: ПЕСОК И ЗВЕЗДЫ

Часть первая: Мальчик из Дельты

Египет, Дельта Нила. 1305 год до нашей эры. Конец сезона Ахет, Разлив.

Воздух был густым, как тёплое молоко, и звенел от зноя. Девятилетний Рамзес, ещё не «Великий», даже не наследный принц, а просто Рамзес, сын военачальника Сети, бежал по глиняной дамбе, обгоняя собственный крик восторга. Его косичка, отличительный признак ребенка, развевалась на ветру. В его руке, зажатый в потной ладони, извивался уж — не ядовитый, но отчаянно сильный, чешуйчатое тело билось о пальцы с упругостью натянутого лука.

За ним, запыхавшись, топал его друг и молочный брат, сириец Меху. «Брось его, дурак! Увидит твоя мать — нам обоим влетит!»

Но Рамзес не слушал. Он добежал до старого, полуразрушенного каменного карниза — остатка каких-то забытых построек времён гиксосов — и взобрался на него. Отсюда, с высоты в три человеческих роста, Дельта расстилалась перед ним, как зелёное, живое чудовище. Бескрайние папирусные заросли шелестели под ветром с моря. Вода, тёплая и мутная от ила, медленно ползла по каналам, неся жизнь и запах гниющих растений. Где-то вдали, на западе, угадывалась серая стена пустыни — вечный, голодный сосед, где правил страшный бог, бра-тоубийца Сет.

Рамзес поднял змею над головой, к самому солнцу — диску Ра, плывущему в выцветшей лазури неба.

— Смотри! — закричал он миру, Меху и самому себе. — Я держу реку! Я держу сам Нил!

Уж, поймав отблеск солнца на своей чешуе, на мгновение замер, будто и вправду превратившись в миниатюрного, извивающегося бога Хапи. А затем рванулся с такой силой, что выскользнул из пальцев мальчика, упал в густые заросли папируса ниже и бесшумно исчез в своей стихии.

Рамзес расхохотался. Не от досады, а от восторга перед этой дикой, непокорной силой. Он вытер ладони о простой льняной схенти, уже выцветший от солнца и частых стирок.

— Видел? Даже реку нельзя удержать навек. Её можно только... направить.

— Направить куда? — фыркнул Меху, с трудом забираясь к нему. — В море? Она и так там.

— Не в море, — Рамзес прищурился, глядя на восток, туда, где за сизой дымкой горизонта лежали невидимые ему земли. — Туда, где её нет. В песок. Чтобы песок зацвёл.

В этот момент с дамбы донёсся резкий, металлический звук — удар медного таза. Зов няни. Обед. И уроки.

Лицо Рамзеса помрачнело. Уроки. Бесконечные иероглифы, скучные гимны, наставления о долге и почтении. Его отец, Сети, всё чаще брал его с собой в инспекционные поездки по крепостям Дельты, и это, по его мнению, было настоящей учёбой. Он видел солдат в потертых

кирасах, слышал грубый смех, вдыхал запах конского пота, масла для доспехов и страха — того особого, кислого страха, который витал над гарнизоном, ожидающим набега ливийцев с запада.

Он спрыгнул с карниза, приземлившись на мягкую землю с кошачьей лёгкостью, которой позавидовал бы любой из его будущих нубийских лучников.

— Побежали! — крикнул он Меху. — А то опоздаем на рассказ отца о походе в Ханаан!

Они помчались по дамбе, два смуглых, длинноволосых мальчишки, олицетворение самой жизни этого болотистого, плодородного, беспокойного пограничья. Рамзес не знал тогда, что это — его последнее по-настоящему беззаботное лето. Что скоро его отец станет фараоном. А он — наследником Двух Земель. И что мечта «направить реку в песок» обернётся не метафорой, а кровавой реальностью у стен далёкой сирийской крепости, имя которой — Кадеш.

Но что-то он чувствовал уже тогда. Ощущал в плоти, как ощущал приближение грозы. Ощущал тягу. Тягу к чему-то большему, чем зелёная тюрьма Дельты. Тягу к горизонту. К славе. К тому, чтобы его имя, как и имя солнца, знали все — от первого порога до самых далёких морей.

Он обернулся на бегу, бросив последний взгляд на убежавшую змею, на папирусы, на великую, ленивую реку.

«Я направлю тебя, — подумал он с дерзкой уверенностью, которой не положено было быть у мальчика. — Я направлю всех».

Фивы. Святилище Амона в Карнаке. Много лет спустя.

Тьма здесь была иной. Не тёплой и живой, как ночи в дельте, а густой, настоящей на ладане и страхе. Воздух в коридоре, ведущем к Святой Святым, был прохладным и неподвижным. Факелы, зажжённые у входа, отбрасывали на стены, покрытые рельефами с изображениями богов, пляшущие, уродливые тени.

По коридору, почти бесшумно ступая по каменным плитам, шли двое. Впереди — верховный жрец Амона, Мер-Амон. Его лицо, освещённое пламенем факела, который он нёс, казалось вырезанным из старой слоновой кости — непроницаемым и вечным. За ним, едва поспевая, шёл юноша Пентаур. Седьмой сын фараона. От Теи, младшей царицы. Шестнадцати лет. Его сердце колотилось так, что, казалось, эхо отдавалось от стен.

Его вызвали. Лично. Ночью. Никто не должен был знать об этом или стать свидетелем этой встречи.

Они вошли в небольшое, круглое помещение без окон. В центре, на алтаре из чёрного базальта, стояла лишь чаша с тлеющими углями. Дымок, горьковатый и сладкий одновременно, поднимался к потолку.

— Стань здесь, — голос жреца прозвучал как скрип двери в гробнице.

Пентаур повиновался. Жрец опустил факел в нишу, и свет стал призрачным, мерцающим. Теперь лицо Мер-Амона было похоже на лик мумии.

— Ты знаешь, почему ты здесь?

— Н... нет, святой отец.

— Ты здесь, потому что кровь твоя — кровь бога. Но боги... капризны. Иногда они сеют семена не только для урожая, но и для сорняков. Чтобы проверить почву.

Пентаур сглотнул. Он не понимал. Но боялся спросить.

Жрец протянул руку над чашей. Бросил в угли щепотку порошка. Вспыхнуло зелёное пламя, осветив на мгновение всю комнату, и Пентауру показалось, что на стенах движутся тени гигантских существ с головами зверей.

— Будущее — не прямая дорога, — заговорил жрец, и его голос приобрёл странную, певучую интонацию. — Оно — река с множеством рукавов. Один рукав — широкий, светлый, им плывёт твой отец, Солнце Египта. Другой... другой тёмный, узкий, полный острых камней. И по нему плывёт тень. Тень с твоим лицом, Пентаур.

Юноша похолодел.

— Что... что это значит?

— Это значит, что ты стоишь на распутье, — жрец приблизил своё лицо. Его глаза, казалось, светились изнутри тем же зелёным огнём. — Воля богов неясна. Ты можешь стать опорой трона. Или... ты можешь стать тем клинком, что будет направлен в самое сердце Солнца.

Пентаур отшатнулся, как от удара.

— Я не хочу! Я не могу! Он же мой отец!

— Отец? — в голосе жреца прозвучала ледяная усмешка. — Фараон — отец для всех. И он же — судья для всех. А суд его быстр и беспощаден. Ты видел, как он смотрит на твою мать? Как он смотрит на тебя? Ты — сын младшей жены. Седьмой. Ты — пыль у колеса его великой колесницы. Твоя судьба — забытая гробница в стороне от Долины Царей. Если повезёт.

Каждое слово падало, как капля ледяной воды на раскалённый камень души Пентаура, оставляя трещины.

— Но есть иной путь, — голос жреца стал шепотом, соблазнительным и страшным. — Боги дают знаки. И они дают выбор. Один сын должен вознести Солнце к вечности через славу. Другой... через жертву. Даже жертву чудовищную. Чтобы очистить, чтобы обновить. Понял ли ты?

Пентаур не понял. Но он почувствовал. Почву для сорняка. Тёмный рукав реки. В его юношеское сердце, полное обиды на невнимание отца, ревности к старшим братьям, жалости к вечно печальной матери, упало зёрнышко. Не заговора, пока ещё нет. Но оправдания. Оправдания для той ненависти, которой ещё не было, но которая должна скоро прийти. Оправдания для непоправимого поступка, который однажды будет представлен не как предательство, а как... жестокая необходимость, воля самих богов.

— Запомни этот миг, Пентаур, — сказал жрец, отступая назад, растворяясь в тени. — Когда придёт время выбирать рукав реки, вспомни. Вспомни зелёное пламя. И спроси себя: кем ты хочешь быть? Пылью... или тем, кого даже боги боятся назвать по имени?

Он вышел, оставив юношу одного в дымной, тёмной комнате, где будущее, страшное и неизбежное, впервые протянуло к нему свою костлявую руку.

Пентаур стоял, дрожа. Он смотрел на тлеющие угли. И ему казалось, что в их глубине он видит лицо. Лицо отца. И своё собственное. Слитые в одной grimase ужаса и боли.

Он ещё не был заговорщиком. Он был всего лишь мальчиком, которому только что показали пропасть, существующую между ним и его отцом-богом. И семя, брошенное в эту пропасть, уже начало прорастать корнями ненависти.

Глава 1: Дом Сети

Аварис. Резиденция наследного принца Сети. 1300 год до нашей эры.

Дворец в Аварисе не был похож на величественные фиванские или мемфисские резиденции. Это была крепость, выросшая на костях старой столицы гиксосов. Стены из грубого песчаника, узкие окна-бойницы, внутренние дворы, где даже в полдень царила прохладная тень.

Здесь пахло не ладаном и цветами, а лошадьми, оливковым маслом для оружия и сухой пылью дорог, ведущих в Азию.

Для девятилетнего Рамзеса это был целый мир, полный тайн и строгих правил.

Его день начинался с рассветом, когда первые лучи Ра ещё только золотили зубцы крепостных стен. Няня, старая Таит, с руками, шершавыми от работы, будила его, и первое, что он слышал, был не птичий щебет, а отдалённый лязг оружия со двора для упражнений и резкие команды инструктора.

— Вставай, сокол. Твой отец вернулся с инспекции пограничных фортов. Он будет завтракать в малом зале и желает тебя видеть.

Слово «желает» означало приказ. Рамзес вскакивал, сам умывался холодной водой из медного таза, позволяя Таит накинуть на него простой детский схенти и надеть на шею амулет в виде скарабея — подарок матери, Туи. Амулет должен был оберегать его душу в течение дня.

Малый зал был скромным помещением с фресками, изображавшими сцены охоты в пустыне. За низким столиком из кедрового дерева уже сидел его отец, Сети.

В тридцать пять лет Сети, сын Рамсеса I, бывшего простого военачальника, возведённого на трон за заслуги, был воплощением воинской доблести. Широкие плечи, нос с горбинкой, сломанный в давней стычке с нубийцами, и глаза — холодные, пронзительные, серые, как сталь клинка. Он не носил пышных одежд, предпочитая простой белый схенти и кожаную кирасу, на которую уже было нанесено несколько новых царапин.

Рядом с ним, на подушке из тонкой шерсти, сидела мать Рамзеса, Туя. Женщина с тихим, умным лицом и руками, которые всегда знали, куда положить свиток, поправить складку одежды или ласково коснуться плеча сына. Она улыбнулась Рамзесу, но её глаза были полны той же сосредоточенной серьёзности, что и у мужа.

— Садись, — сказал Сети, не отрываясь от глиняной таблички с донесениями. Его голос был низким, без эмоций. — Ел уже?

— Нет, отец.

— Ешь. Потом пойдёшь со мной в арсенал.

Рамзес сел, стараясь не шуметь. Раб-нубиец налил ему в чашу разбавленного пива и положил на лепёшку из ячменного хлеба кусок копчёной рыбы и луковицу. Завтрак воина. Рамзес ел быстро, украдкой наблюдая за отцом.

Сети отложил табличку и посмотрел на сына. Взгляд был оценивающим, как у кузнеца, разглядывающего слиток металла.

— Ты знаешь, где я был последние две недели?

— На восточных фортах, — немедленно ответил Рамзес. — Там, где дорога идёт в Шару.

— Верно. И что ты знаешь о Шару?

Рамзес нахмурился, собирая в голове обрывки услышанных разговоров, карт, которые он подсматривал в кабинете отца.

— Это земля кочевников. Но за ней... за ней начинаются владения хеттов. И стоит крепость Кадеш.

Сети медленно кивнул. В уголке его губ дрогнуло что-то, похожее на одобрение.

— Кадеш. Ключ ко всему Леванту. Кто держит Кадеш — тот держит дороги к кедром Ливана, к медным рудникам Синая, к вассалам Финикии. Кадеш был нашим. Теперь он — их. Твой дед, — Сети почти никогда не называл фараона Рамсеса I «отцом» в приватной беседе, только «твоим дедом», — твой дед отбил его у мятежников. Но удержать не смог. Хетты — не дикари. У них есть железо. У них есть дисциплина. И у них есть царь Муваталли, который молод, умен и голоден до славы.

Он отхлебнул пива.

— Ты, мальчик, живёшь в интересное время. Египет богат. У нас золото Нубии, хлеб Дельты, гранит Асуана. Но мы стали... мягкими. Мы забыли, что такое настоящая война. Наши колесницы — для парадов. Наша пехота думает больше о пайке, чем о победе. А хетты... они дышат войной. Они смотрят на наши земли, как шакал смотрит на стойло с ягнятами.

Туя тихо кашлянула. Сети посмотрел на неё, и в его взгляде мелькнуло что-то сложное — не гнев, а скорее усталое признание её правоты. Нельзя пугать ребёнка.

— Но шакала можно отогнать, — Сети снова перевёл взгляд на Рамзеса. — Для этого нужен не просто лук. Нужен новый лук. Более тугой. И стрелы к нему — другие. Понимаешь?

Рамзес не понимал до конца. Но он чувствовал. Чувствовал напряжённость в голосе отца, серьёзность момента. Он кивнул.

— Хорошо. Доел? Идём.

Арсенал Авариса был святилищем в культе войны. Длинное, полутемное здание с земляным полом. В воздухе висели запахи: едкий — горящего угля из кузницы, сладковатый — кедрового масла для деревянных частей колесниц, горький — окислившейся бронзы.

Сети провёл сына мимо штабелей щитов, обтянутых кожей гиппопотамов, мимо стеллажей с копьями, наконечники которых тускло поблескивали в свете масляных ламп.

— Смотри, — Сети взял со стола два предмета. В одной руке — стандартный египетский пехотный меч, хопеш, с изогнутым, как клюв сокола, лезвием из бронзы. В другой — более короткий, прямой кинжал с тёмным, матовым лезвием. — Что это?

Рамзес дотронулся до тёмного лезвия. Оно было холоднее.

— Железо? — предположил он. Он слышал это слово как проклятие и как восхищённый шёпот.

— Да. Привезли купцы с севера, из стран хеттов. Бронза, — он щёлкнул ногтем по хопешу, раздался глухой звон, — она прощает. Её можно погнуть, починить. Железо... — он ударил железным кинжалом о край стола. Раздался резкий, сухой звук, и от бронзовой окантовки стола отлетела щепка. На лезвии железа не осталось и царапины. — Железо не прощает. Одно из двух: или оно, или ты. Хетты это поняли. А мы нет. И у нас, как ты знаешь, существует запрет на использование этого материала, поскольку он принадлежит богам, а не людям.

Он положил оружие на стол.

— Армия — это не просто люди с мечами. Это машина. Каждое колесико, каждый рычаг должен работать безупречно. От фараона, отдающего приказ, до последнего водоноса в обозе. Сломается одно — рассыплется всё. Наша машина стара, сынок. Скрипит. А им, — он кивнул в сторону, где, по его словам, лежали земли хеттов, — им только что выковали новую. И они хотят её испытать. На нас.

Он обернулся к Рамзесу, положил тяжёлую руку на его худое плечо.

— Мне нужны глаза и уши, которым я могу доверять. Не льстивые царедворцы, не жрецы, думающие только о своих храмах. Мне нужны люди, которые понимают и железо, и людей. Которые видят не отдельного воина, а весь строй. Которые знают, что иногда нужно отступить, чтобы заманить, и ударить не в лоб, а в бок. Ты будешь таким человеком. Понял?

Глаза Рамзеса горели. Он снова кивнул с такой силой, что с его головы чуть не слетел амулет-скарабей.

— Понял, отец.

— Хорошо. Сегодня после уроков у писца Аменемипа ты придёшь ко мне в кабинет. Мы посмотрим карты. Настоящие карты. И я покажу тебе, где болит наше тело.

Они вышли из арсенала на ослепительное солнце. Рамзес шёл рядом с отцом, стараясь попадать в шаг, чувствуя жгучую гордость и страшную тяжесть ответственности. Он видел, как солдаты на дворе замирали, завидев Сети, и отдавали честь — не церемонный жест, а быстрое прикосновение кулака к груди. Уважение, добытое в бою.

В этот момент из тени колоннады вышла женщина. Не Туя. Более молодая, с большими, тёмными глазами и губами, подкрашенными охрой. На ней было простое, но качественное платье, а на руках она несла мальчика лет двух, который сонно посапывал, уткнувшись в её плечо.

Это была одна из младших жён Сети, дочь знатного фиванского писца. Она приехала в Аварис всего полгода назад.

Она почтительно склонила голову.

— Мой господин. Добро пожаловать домой.

Сети кивнул ей коротко, почти не глядя.

— Как сын?

— Растёт, господин. Здоров. Скоро начнёт говорить.

— Хорошо.

Его взгляд скользнул по лицу младенца — своего очередного сына, без особой теплоты. Это был просто факт. Ещё один сын. В большом хозяйстве фараона (или наследного принца) дети были ресурсом, династическим капиталом.

— Рамзес, — сказал Сети, — это твой брат. Запомни его.

Рамзес посмотрел на сонное личико. Он не почувствовал ничего. Ни братской любви, ни ревности. Просто... ещё один человек в огромном, сложном механизме под названием «семья Сети».

— Пойдём, — снова сказал отец, и они пошли дальше, оставив женщину стоять в тени с её сыном на руках.

Великая машина истории, со скрипом и лязгом, начала своё движение. Одних она везла к славе. Других — в тень. А третьих — к невысказанному выбору между кинжалом и ядом.

Глава 2: Уроки писца.

После обеда, под палящим солнцем, когда даже ящерицы прятались в трещинах камней, для Рамзеса наступало время другого мира. Мира не железа и мускулов, а знаков и смыслов.

Его вели в прохладную, белёную комнату с единственным высоким окном, выходящим во внутренний садик с чахлым сикомором. Здесь пахло пылью, папирусом и старой кожей переплётков. Здесь жил Аменемип, старый писец, присланный из Мемфиса лично главным царским писцом.

Аменемипу было за шестьдесят. Он был худ, как скелет, и казался вырезанным из жёлтого слоновой кости. Глаза его, почти слепые для дали, зато острые, как иглы, для близкого расстояния, всегда были опущены к свитку или табличке. Он редко поднимал их на ученика. И ещё реже улыбался.

— Садись, — его голос был сухим шелестом, похожим на звук переворачиваемого папируса.

Рамзес сел на циновку перед писчим столиком. На столе лежали: палитра с углублениями для чёрной и красной красок, чашечка с водой, заостренные стилусы из тростника и свежий, светло-жёлтый лист папируса.

— Что было на утреннем занятии? — спрашивал Аменемип, не глядя.

— Цифры, учитель. Сотни и тысячи. Имена номов Верхнего Египта.

— Напиши.

Рамзес обмакивал стилус в черную краску. Он концентрировался. Его пальцы, только что сжимавшие рукоять деревянного тренировочного меча, сейчас должны были выводить изящные, точные знаки. Он выписывал иероглиф «хека» — сотня (витая верёвка), и «ха» — тысяча (цветок лотоса). Потом начинал перечислять номы: «Та-сети» (Земля лука), «Учес-Хор» (Трон Гора)...

— Остановись, — Аменемип поднял руку. Он наклонился, его острый нос почти касался папируса. — «Учес-Хор». Знак трона. Ты сделал его криво. Он падает. Трон не может падать, мальчик. Трон — это основа мира. Перепиши всю строку.

Рамзес сжал губы. Переписать строку означало потратить ещё полчаса. Время, которое он мог бы провести на плацу, наблюдая за тренировкой колесничих. Но спорить было бесполезно. Он взял новый лист.

Аменемип наблюдал за ним из-под полуприкрытых век.

— Твоего отца беспокоит сталь, — сказал он неожиданно. — Моё дело — другой материал. Ум. Управлять можно только тем, что понимаешь. А чтобы понимать — нужно читать. Не только слова. Читать людей. Читать намерения. Читать тишину между строк официальных донесений.

Он поднялся, его кости затрещали, и подошёл к стеллажу. Вытащил старый, потрёпанный свиток.

— Это — отчёт писца о сборе налогов в пятом году правления фараона Хоремхеба. Читай вслух. Начиная вот отсюда.

Рамзес начал читать монотонную прозу: «...было собрано в номе Гебесен двести мер ячменя, сто пятьдесят мер полбы, сорок кувшинов масла...»

— Стоп, — снова перебил Аменемип. — Что ты видишь?

— Я вижу... урожай?

— Глупец. Ты видишь проблему. В Гебесене всегда собирали не менее трёхсот мер ячменя. Почему в этом году двести? Засуха? Нет, Нил разливался хорошо. Воровство? Возможно. Но возможно и другое. Номарх Гебесена был из семьи, лояльной фиванским жрецам Амона. Понимаешь? Двести мер ячменя — это не цифра. Это тихий саботаж. Писцу, который составлял этот отчёт, либо заплатили, чтобы он не докладывал о недовесе, либо он сам был в сговоре. Или он просто был слеп, как ты сейчас.

Рамзес смотрел на столбец цифр, и они вдруг ожили, зашевелились, превратились в лица, интриги, предательства.

— Как... как это узнать?

— Спросить того, кто не заинтересован во лжи. Перекупщика на рынке. Старейшину деревни, которому наступают на большую мозоль. Писца из соседнего нома, который завидует коллеге. Информация — это воздух власти. Без неё ты задыхаешься. Твой отец получает донесения от шпионов и соглядатаев. Но между шпионом и фараоном стоит писец, который эти донесения записывает. Тот, кто контролирует запись — контролирует правду. А иногда — и судьбы.

Аменемип снова сел, его лицо стало ещё суровее.

— Скоро ты будешь не просто читать отчёты. Ты будешь их диктовать. Слово, вышедшее из твоих уст и закреплённое на папирусе, станет законом. Оно может послать армию в поход или обречь целую семью на рабство. Оно может возвеличить бога или стереть его имя со стел. Одна кривая линия, одна пропущенная деталь... и трон, который ты нарисовал криво, действительно рухнет. Потому что трон держится не на камнях, а на вере. А вера рождается из слов и символов. Запомни это.

Урок длился ещё два часа. Иероглифы, грамматика, копирование отрывков из «Поучений Птаххотепа». Голова Рамзеса гудела. Это была иная усталость — не физическая, а умственная, когда мозг, перегруженный новыми связями, просил покоя.

Когда Аменемип наконец отпустил его кивком, солнце уже клонилось к западу. Рамзес выбежал во двор, глотнув воздуха, полного запахов кухни и конюшен.

«Информация — это воздух власти», — прошептал он про себя, повторяя слова учителя.

Он направлялся к покоям отца, как ему было приказано, когда услышал приглушённые голоса из-за угла, из ниши, где бил небольшой фонтан. Один голос он узнал — это был Меху, его друг. Второй — более низкий, взрослый.

— ...и он сказал, что старые боги гnevаются, — говорил взрослый голос. Это был Камуси, один из фиванских жрецов, приставленных к домашнему алтарю Сети. — Что фараон в Мемфисе слишком много берёт на себя, отодвигая Амона. Что это может обернуться бедой.

— Но принц Сети верен фараону, — неуверенно сказал Меху.

— Верен? Да. Но у принца Сети есть сын. Наследник. И этот наследник воспитывается здесь, в Аварисе, вдали от интриг Фив. Его учат войне, а не теологии. Кто будет его богом? Амон? Или... его собственный отец?

Рамзес замер, прижавшись к теплой стене. Его сердце заколотилось. Это было то самое «чтение между строк», о котором говорил Аменемип. Только сейчас строками были живые голоса.

— Молчи об этом, мальчик, — сурово сказал Камуси. — Я сказал тебе лишь для того, чтобы ты был осторожен в словах. Фивы имеют длинную память и очень длинные руки. Даже здесь.

Послышались шаги. Жрец уходил. Рамзес быстро юркнул в противоположный проход, чтобы его не увидели. Он шёл к покоям отца, но в голове у него звучал теперь не только голос Аменемипа, но и тихий, ядовитый шёпот Камуси.

Покои Сети были другим святилищем. Здесь не было оружия. Здесь были карты. Не идеальные, а испещрённые пометками, стрелками, значками. Они были начертаны на выделанных кожах, натянутых на деревянные рамы.

Сети стоял перед большой картой, нарисованной прямо на стене. Она изображала восточное Средиземноморье от дельты Нила до извилистых рек Сирии.

— Подойди, — сказал отец, не оборачиваясь. — Видишь эту точку? Это Кадеш. Наша боль. Наша незаживающая рана.

Он ткнул пальцем в место у реки Оронт.

— Чтобы дойти сюда из Авариса, армии нужно два месяца. Через Синай, через Ханаан. Каждый шаг — под палящим солнцем, с обозом, который тянется на мили. А хетты сидят у себя в горах, пьют прохладное пиво и ждут, когда мы выдохнемся. Их разведчики следят за каждым нашим движением. Их союзники — местные племена — продадут нам испорченную еду и отведут к высохшим колодцам. Традиционная война здесь невозможна. Мы проиграем её ещё до первого боя.

Он повернулся к Рамзесу. Его глаза горели холодным огнём.

— Поэтому мы не будем вести традиционную войну. Мы изменим правила.

Он провёл рукой вдоль маршрута.

— Во-первых, скорость. Лёгкие колесницы, способные пройти там, где не пройдёт тяжёлая. Не для тарана, а для разведки, быстрых рейдов, ударов по тылам. Во-вторых, независимость. Отряды должны уметь воевать сами по себе, не дожидаясь приказа из центра. Доверенные командиры. В-третьих, логистика. Склады-крепости по всему маршруту. Заблаговременные запасы воды и зерна. Мы превратим путь в Кадеш в свою территорию ещё до того, как бросим вызов.

Он говорил страстно, его пальцы летали по карте, указывая на перевалы, долины, места для засад.

— Но самое главное — информация, — Сети посмотрел прямо в глаза сыну. — Нужно знать всё. Не только где армия Муваталли. Нужно знать, что он ел на завтрак, с кем спорил, кого боится. Нужно покупать его приближённых, сеять смуту среди его вассалов. Война выигрывается не только мечом. Она выигрывается здесь, — он постучал пальцем себе по виску, — и здесь, — он ткнул в грудь, где билось сердце. Страхом, жадностью, гордостью противника.

Рамзес слушал, зачарованный. Это была грандиозная игра, шахматы в масштабе целых народов. И его отец объяснял ему правила.

— А что... что если он тоже всё это знает? — осторожно спросил Рамзес.

— Муваталли? — Сети усмехнулся, но без веселья. — Он знает. Он не дурак. Поэтому это будет игра вдвойне. Мы будем думать, что он думает, что мы думаем. И так далее. Победит тот, кто на шаг впереди. Или тот, кто решится на неожиданный, безумный ход.

Он положил руку на плечо сына.

— Я научу тебя всему, что знаю. Но одну вещь я не смогу тебе дать. Инстинкт. Чутьё на правильный ход в нужный момент. Оно или есть, или его нет. Оно рождается в бою, в момент, когда смерть смотрит тебе в глаза. У меня оно есть. — В глазах Сети мелькнуло что-то дикое, первобытное. — Надеюсь, оно будет и у тебя.

Внезапно в дверь постучали. Вошёл офицер связи, мокрый от пота, с пылью дорог на сандалиях.

— Господин! Срочное донесение из Фив.

Сети взял маленькую глиняную табличку. Пробежал глазами по иероглифам. Лицо его стало каменным.

— Уходи, — сказал он офицеру. Тот исчез.

Сети долго смотрел на табличку, потом бросил её в жаровню с углями. Глина затрещала, почернела.

— Фараон, твой дед, тяжело болен, — сказал он тихо, не глядя на Рамзеса. — Врачи не дают ему и месяца. Двор в Мемфисе уже делит шкуру убитого льва. Жрецы Амона в Фивах готовят свои петиции.

Он подошёл к окну, глядя на закатное небо.

— Всё меняется, сын. Скоро твой отец станет фараоном. А ты — наследником Двух Земель. Игры кончаются. Начинается настоящая работа. И первое, что тебе нужно понять... — он обернулся, и его лицо было таким же суровым, как стены Авариса, — ...что трон — это самое одинокое место на земле. Даже для бога.

Рамзес стоял, чувствуя, как под ногами уходит привычная почва детства. Карта на стене, уроки писца, шёпот жрецов, болезнь деда — всё сплеталось в один тугий узел. Узел, который ему однажды предстоит разрубить.

Глава 3: Путь на Юг

Известие о болезни фараона Рамсеса I висело в воздухе Авариса, как предгрозовая тишина. Никто не говорил о ней вслух, но все понимали: вот-вот рухнет старая стена, и хлынет новая эра. Для Сети это означало не только скорбь, а необходимость действовать. И первым его шагом как наследного принца, готовящегося к трону, стала поездка на юг. Не в Фивы — пока рано. И не в Мемфис — слишком рано. В Нубию.

— Египет — это не только Дельта и Фивы, — объяснял он Рамзесу накануне отъезда, разбирая доспехи. — Египет — это золотые прииски Вават, это гранитные каменоломни Асуана, это верные стрелки из Куш. Пока я буду занят делами на севере, твоя миссия — увидеть юг. Увидеть и понять. Потому что когда ты станешь фараоном, ты должен будешь править *всеми* землями, а не только теми, что видишь из своего дворца.

И вот они плыли вверх по Нилу, против течения. Караван из десятка судов: две царские барки с парусами, натянутыми на высокие мачты, и восемь грузовых кораблей с припасами, подарками и отрядом стражников из «меджаев» — личной охраны Сети.

Для одиннадцатилетнего Рамзеса это было первое большое путешествие. Сидя на носу барки под тентованным навесом, он не мог оторвать глаз от берегов. Дельта с её зеленью и болотами осталась позади. Теперь по обе стороны реки тянулись сначала поля, потом редкие пальмовые рощи, а затем пейзаж начал меняться. Земля становилась каменистее, холмы — выше и абсолютно голые. Воздух, ещё недавно влажный и тяжёлый, стал сухим, горячим, обжигающим горло. Небо из бледно-голубого превратилось в густое, почти синее полотно, на котором солнце висело ослепительным, беспощадным диском.

— Это Верхний Египет, — сказал сопровождавший их старый воин, начальник стражи по имени Сененмут. Он был нубийцем на египетской службе, его кожа была цвета полированного эбенового дерева, а на плече красовался шрам от ливийского копья. — Здесь земля помнит богов древнее, чем Ра. Здесь начинается настоящая мощь.

Через несколько дней они проплыли мимо Абидоса — священного города Осириса. Рамзес, воспитанный в пограничной крепости, впервые увидел масштаб настоящей храмовой архитектуры. Огромные пилоны, устремлённые в небо, казались ему воротами в иной мир. Оттуда доносилось пение жрецов, звук систров, запах сотен горящих светильников.

— Здесь молятся о вечной жизни, — пробормотал Сененмут, совершая короткий жест рукой — знак почтения. — Но чтобы жить вечно, нужно сначала умереть. И умереть достойно.

Рамзес смотрел на удаляющиеся стены. Мысль о смерти, о вечности была для него ещё абстрактной, как иероглифы в учебнике Аменемипа. Но здесь, в тени этих колоссов, она обрела вес и холод.

Асуан встретил их грохотом. Не громом, а грохотом труда. Здесь, у первых порогов Нила, кипела работа, сравнимая с битвой. Тысячи рабочих — египтян, нубийцев, пленных ливийцев — вырубали из розового гранита гигантские обелиски и блоки для будущих храмов. Воздух дрожал от ударов каменных молотов, скрежета медных пил, смоченных водой с абразивным песком, рёва надсмотрщиков.

Сети повёл сына прямо к главной каменоломне. Они стояли на краю карьера, уходящего вглубь земли. Внизу, как муравьи, копошились люди.

— Видишь этот обелиск? — Сети указал на гигантскую, почти отёсанную иглу камня длиной в тридцать локтей. — Он для Карнака. Каждый такой камень — это не просто украшение. Это символ. Символ того, что воля фараона может подчинить себе даже гору. Но за этим символом, — его голос стал жёстким, — стоит пот, кровь и смерть. Каждый обелиск оплачен жизнями. Задавит камень, сорвётся человек, кто-то умрёт от солнца и жажды... И всё это — цена величия. Фараон должен это видеть. Должен это знать. И должен уметь смотреть на это, не отводя глаз.

Рамзес смотрел. Он видел, как группа рабочих, обливаясь потом, сбилась с ритма, и надсмотрщик с плёткой из кожи гиппопотама тут же обрушил на их спины удары. Слышал крик боли. Видел, как человек падал, и его товарищи, не останавливаясь, оттащивали тело в сторону. Его желудок сжался. Это была не благородная война, о которой он мечтал. Это была грязная, безличная жертва.

— Жестоко? — спросил Сети, не глядя на него.

— Да, — честно ответил Рамзес.

— Жестоко. Но необходимо. Без этих камней нет храмов. Без храмов — нет богов. Без богов — нет порядка. А без порядка, сын, мир превратится в тот самый ад, который ты видишь внизу, но умноженный на тысячу. Иногда нужно принести в жертву сотни, чтобы спасти миллионы. Это первый и самый тяжёлый урок власти.

Они покинули Асуан, и Рамзес увозил с собой не только память о грохоте, но и тяжёлый камень на душе. Идея «направить реку» теперь казалась ему детской забавой. Реальная власть была связана с выбором, кого раздавить, чтобы остальные могли идти вперёд.

За первым порогом началась Нубия. Земля резко изменила цвет — с жёлто-коричневого на охристо-красный. Скалы были огненного оттенка, песок — розоватым. Даже Нил здесь казался темнее. Поселения становились реже, люди — темнее и выше. Они носили меньше одежды, а их оружие — луки и дротики — выглядело проще, но смертоноснее.

Их конечной целью была крепость Бухен, опорный пункт Египта в Нижней Нубии. Когда барки причалили к укрепленной пристани, Рамзес увидел не просто форт. Он увидел символ власти, вбитый в чуждую землю. Массивные стены из сырцового кирпича, башни, с которых зорко следили за горизонтом. Внутри — маленький египетский мирок: храм Птаха, казармы, дома для чиновников, даже крошечный садик с привезёнными из дельты с финиковыми пальмами, чахнувшими под палящим солнцем.

Комендант крепости, Небамон, был ветераном, прослужившим на юге двадцать лет. Его лицо было изрезано морщинами, как руслами высохших рек, а глаза привыкли щуриться от солнца и недоверия.

— Мир тебе, наследник, — сказал он, отдавая честь Сети. Его взгляд скользнул по Рамзесу, оценивающе и быстро. — Юг спокоен. Но его спокойствие это спокойствие кобры перед броском. Племена платят дань золотом и скотом. Но в их глазах... нет любви, господин. Только страх и расчёт.

На следующий день Сети устроил смотр нубийских лучников, служивших в гарнизоне. Это были не египетские пехотинцы. Это были рослые, почти голые воины с длинными, сложными луками из красного дерева и колчанами, полными стрел с наконечниками из обсидиана. Их движения были плавными, почти танцевальными, а глаза видели цель там, где египтянин видел лишь мелькание.

— Они лучшие стрелки в мире, — сказал Небамон. — Их можно купить за соль, ткани и бронзу. Но преданность их временна. Сегодня они стреляют для тебя. Завтра — для того, кто даст больше.

Сети кивнул.

— Значит, нужно платить вовремя. И быть сильнее того, кто может заплатить больше. Покажи сыну, как они стреляют.

Небамон отдал приказ. Десяток лучников выстроились в линию. В сотне шагов установили глиняные кувшины. По команде лучники натянули тетивы — без суеты, без лишних движений. Последовала не очередь выстрелов, а единый, сухой щелчок. Все кувшины разбились одновременно.

Рамзес замер от восхищения. Но Сети был недоволен.

— Это на тренировке. А в бою? Когда вокруг кричат, летят стрелы, падают товарищи? — Он повернулся к Небамону. — Я хочу, чтобы они стреляли в движении. С колесницы. В цель, которая движется. Научи их. И поставь над ними египетских командиров, которые говорят на их языке и знают их обычаи. Они должны стать не наёмниками, а частью нашей армии.

Позже, во время ужина в доме коменданта, Рамзес стал свидетелем другого урока. К Сети привели местного вождя небольшого племени, принёсшего дань — шкуры леопарда, слоновую кость, золотой песок в кожаных мешочках. Вождь, высокий и гордый, говорил через переводчика, но его глаза не опускались. Он чувствовал себя хозяином на своей земле, даже склоняя голову перед принцем.

Сети принял дары, поблагодарил, а затем спросил:

— Говорят, в горах к востоку появились люди на быстрых конях. Кто они? Лицо вождя на мгновение стало настороженным.

— Это... кочевники из далека. Их называют «народом моря» в своих землях. Они жестоки. Приходят, грабят, уходят. Нам тоже досаждают.

— А если я дам тебе двадцать копий и десять щитов? Сможешь отогнать их от своих пастбищ?

Вождь задумался. В его глазах загорелся хищный огонёк.

— Смогу. Но копий нужно тридцать. И меч для моего сына.

— Двадцать пять копий, меч и бронзовый шлем, — парировал Сети. — И твоё племя будет под особой защитой фараона. Но если я узнаю, что эти копыта повернулись против египетских караванов...

Он не договорил. Не нужно было. Вождь быстро кивнул.

— Они будут повернуты только против врагов Египта.

Сделка была заключена. Когда вождь ушёл, Сети пояснил Рамзесу:

— Видел? Нельзя править одной только силой. Нужно давать что-то взамен. Защиту, оружие, статус. И создавать зависимость. Теперь этот вождь — наш человек. Его враги — наши враги. Его интересы связаны с нашими. И он будет следить за своими соседями лучше, чем

любой наш шпион, потому что это его земля. Так строится империя, сын. Не только завоеванием, но и договором.

Перед отъездом Сети устроил ещё одну встречу — с нубийскими детьми, которые учились в крепостной школе для писцов. Мальчики и девочки лет восьми-десяти, старательно выводящие египетские иероглифы под присмотром пожилого египетского писца.

— Зачем? — спросил Рамзес.

— Чтобы через двадцать лет здесь правили не чужаки, присланные из Мемфиса, а свои, — ответил Сети. — Но свои, которые думают по-египетски, молятся египетским богам и считают фараона своим повелителем. Культура, сын, — самое прочное оружие. Меч завоёвывает землю. А слово — души.

Обратный путь вниз по течению был быстрее. Рамзес сидел на палубе, но уже не смотрел по сторонам с прежним любопытством. Его ум был переполнен образами: грохочущие каменистые Асуана, бесстрастные лица нубийских лучников, хищные глаза вождя, старательные дети в школе. Все эти кусочки складывались в огромную, сложную мозаику под названием «Власть».

Он начал понимать, что быть фараоном — это не только вести армии и издавать указы. Это — балансировать на острие ножа между жестокостью и милостью, между чужими землями и чужими душами, между величием и его страшной ценой.

И где-то глубоко внутри, под тяжестью этих знаний, в нём шевельнулось первое, ещё неосознанное сомнение. А нужно ли всё это ему? Хочет ли он этой ноши? Но вопрос этот был тут же задавлен голосом отца, звучавшим в его памяти: «Трон — это самое одинокое место на земле». Одиночество было неизбежно. А выбор... выбора, похоже, не было вовсе.

Он был сыном Сети. Наследником. И его река уже была выбрана — широкая, светлая, несущая к солнцу. И о тёмных, узких рукавах, о которых шептались жрецы в Фивах, он пока что не думал.

Глава 4: Мемфисские тени.

Возвращение в Аварис было подобно возвращению в детскую комнату после путешествия по миру взрослых. Стены крепости казались ниже, дворы — теснее, а шум тренировок на плацу — почти игрушечным. Рамзес смотрел на знакомые лица стражников, на своего друга Меху, и чувствовал между ними и собой незримую, но прочную стену. Он видел Нубию. Он видел цену величия. Они — нет.

Эта стена стала ещё выше через две недели, когда в Аварис прибыл гонец из Мемфиса с коротким сообщением: «Фараон Менпехтира Рамсес, да живёт он вечно, вознёсся к Осирису. Да здравствует фараон Менмаатра Сети, да живёт он вечно!»

Сети I стал фараоном.

В крепости не было ни плача, ни празднеств. Был ритуал. Все жители — воины, слуги, жёны, дети — собрались во дворе. Сети, облачённый уже не в простую кирасу, а в белоснежный царский схенти и небрежно накинутую леопардовую шкуру (символ военачальника и верховного жреца), вышел на небольшое возвышение. Его лицо было непроницаемо.

— Фараон отошёл к Западному горизонту, — сказал он, и его голос, всегда тихий и резкий, теперь нёсся по двору с новой, металлической силой. — Его *ка* пребудет с Осирисом. Мы скорбим. Но Египет не может пустовать. Боги, мои отцы, возложили на меня бремя Короны. Я приму его. И как фараон, я обещаю вам одно: силу. Силу, которая защитит наши поля от врага. Силу, которая заставит уважать наше имя от болот Дельты до гор Куша. Мы не будем плакать о прошлом. Мы будем строить будущее.

Это была не похоронная речь. Это была речь коронации. И присяга. Воины ударили копьями о щиты — гулкий, воинственный салют. Рамзес стоял рядом с матерью Туей, видел, как её пальцы сжимают край платья, но лицо её было спокойно, почти гордо. Она была теперь Великой царской супругой.

А через три дня пришёл новый приказ. Не для Сети. Для Рамзеса.

— Ты переезжаешь в Мемфис, — сказал отец, уже фараон, в тех же покоях с картами. Но теперь карты были другими — охватывали весь известный мир. — Не как наследник для показухи. Как ученик. Ты будешь жить при дворе. Видеть, как работает государственная машина. Учиться у лучших умов Египта. И... привыкать.

— К чему, отец? — спросил Рамзес.

— К тому, что за твоей спиной всегда будут шептаться. Что каждое твоё слово будут выверять на знак слабости. Что каждую твою улыбку будут считать расчётом, а каждую грусть — коварством. Двор — это поле битвы без крови. Но раны, которые там наносят, иногда смертельнее, чем от меча.

Мемфис встретил его не грохотом и не пылью, а тишиной власти.

Дворец в Мемфисе не был похож на крепость. Это был огромный, раскинувшийся комплекс белых зданий с колоннадами, портиками, внутренними садами, где журчали фонтаны и пели привезённые из Пунта птицы. Воздух был пропитан ароматами дорогих благовоний, цветущего лотоса и свежее испечённого хлеба из царских пекарен. Здесь всё двигалось плавно, почти бесшумно: слуги в белых передниках скользили по отполированному полу, чиновники с папирусными свитками под мышкой проходили с сосредоточенными лицами, жрецы в леопардовых шкурах вели неторопливые беседы в тени колонн.

Рамзесу выделили покои в восточном крыле, с видом на священное озеро. Комнаты были просторны, прохладны, украшены изящными фресками. Здесь было всё, что мог пожелать принц: мягкие ложа, письменные принадлежности из слоновой кости, шкатулки с украшениями. И ощущение клетки.

Его первым наставником при дворе стал Хеви, главный царский писец и хранитель государственного архива. Старик с лицом мудрой обезьяны и пальцами, вечно испачканными чёрной и красной краской.

— Приветствую, царственный отрок, — сказал он без подобострастия, указывая на гору свитков в углу комнаты. — Это — отчёты о сборе урожая за последние пять лет по всемномам Верхнего Египта. Твоя задача — сверить цифры, выявить аномалии и предположить их причину. Неправильная цифра — это дыра в плотине государства. Маленькая дыра сегодня — потоп завтра.

И снова цифры. Но теперь это были не абстрактные упражнения. За каждой сотней мер зерна стоял реальный ном, реальный номарх, реальные люди, которые могли голодать из-за чьей-то жадности или небрежности. Рамзес погрузился в работу, и мир сузился до столбцов иероглифов. Он начал видеть закономерности: номы, где сбор падал в засушливые годы, но рос, когда номархом ставили человека Сети. Номы, где цифры были подозрительно ровными из года в год — признак фиктивных отчётов. Он делал пометки, задавал Хеви вопросы. Старик вначале отвечал односложно, потом, видя неподдельный интерес, стал раскрывать больше: какие семьи контролируют какие земли, кто с кем в родстве, кто кому должен.

— Управление — это знание сетей, принц, — говорил Хеви, поправляя парик. — Не только кто силен, но и кто кого боится, кто на ком женат, чей сын служит в какой крепости. Иногда, чтобы сместить непокорного номарха, не нужно посылать войска. Достаточно назначить сборщиком налогов его зятя-расточителя или перевести его любимого сына-офицера в дальний гарнизон в Нубии. Давление... тоньше меча и часто эффективнее.

Помимо учёбы, была и «практика» — присутствие на официальных приёмах. Рамзес стоял чуть позади и левее отца, облачённый в парадный схенти и парик, и наблюдал.

Он видел, как Сети, восседая на троне из чёрного дерева и слоновой кости, принимал послов из Вавилона, Ассирии, Хатти. Видел, как его отец, всего несколько недель назад бывший военачальником, теперь с лёгкостью вёл дипломатические игры, обещая одно, требуя другое, затягивая переговоры, чтобы выиграть время для армии. Он видел холодную вежливость, скрывающую презрение, и сладкие речи, таящие угрозу.

Однажды после приёма хеттского посланника (молодого, надменного князя, который говорил о «дружбе», но каждым жестом демонстрировал превосходство) Сети спросил Рамзеса:

— Что ты понял?

— Что он нас ненавидит, но боится, — ответил Рамзес.

— Почему боится?

— Потому что ты не спорил с ним. Ты улыбался и соглашался. А когда враг соглашается с тобой, не сопротивляясь, это страшнее, чем когда он угрожает. Значит, у него есть план, о котором ты не знаешь.

Сети впервые за долгое время улыбнулся — коротко, без тепла.

— Хорошо. Запомни: самый опасный враг — тот, кто улыбается тебе в лицо. И самый полезный союзник — тот, кто не скрывает своего отношения к тебе. Истина всегда где-то посередине, в серой зоне, где живут выгода и необходимость.

Но были и другие встречи, менее официальные но более опасные. Раз в неделю Рамзес должен был посещать «совет юных принцев» — сборище детей и подростков из знатнейших семей Египта. Это была политика в миниатюре. Сыновья номархов, племянники верховных жрецов, внуки старых военачальников. Они были вежливы с ним, почтительны. Но в их глазах он читал то же, что и у хеттского посла: расчёт, зависть, проблески страха.

Один из них, Хори, сын номарха Фив, был особенно умен и обаятелен. Он первым подошёл к Рамзесу, предложил показать ему дворцовые конюшни, говорил о лошадях, охотах, девушках из гарема. Но как-то раз, когда они были одни, Хори спросил небрежно:

— Говорят, твой отец собирается пересмотреть земельные пожалования храмам Амона в Фивах. Это правда?

Рамзес насторожился. Он ничего об этом не знал.

— Я не обсуждаю дела отца, — ответил он, как учил Хеви.

— Конечно, конечно, — улыбнулся Хори. — Просто... моему отцу интересно. Храмы — это основа порядка. Особенно в Фивах. Там народ очень... набожный. Легко может возникнуть недопонимание.

Это была не просьба. Это была прямая угроза, завёрнутая в дружескую упаковку. Рамзес понял: Хори — глаза и уши фиванского жречества при дворе. И его дружба — всего лишь способ получить информацию.

Он отдалился от Хори после этого. Но понял главное: у него не будет друзей. Будут союзники, подданные, враги и шпионы. И его задача — научиться их различать.

Гарем был отдельным миром, доступ в который для него, подростка, был ограничен. Но он видел его обитательниц в саду, во время процессий. Видел свою мать, Тую, теперь окружённую почтением. Видел и других.

Той же ночью Рамзесу приснился странный сон. Рамзесу снилось, что он снова в пустыне. Но это была не Нубия, которую он видел несколько месяцев назад. Другая пустыня — серая, без единого пятнышка зелени, без красных скал, без привычных ориентиров. Небо было таким же серым, как земля, и где-то на краю мира они сливались в одну бесконечную, пустую стену.

Он стоял один. Ветер дул ровно, без порывов, и поднимал песок, но песок этот был не горячим, как тогда, на юге, а обжигающе-ледяным — он царапал кожу, заставлял шуриться, но не приносил облегчения.

Рамзес опустил взгляд на свои руки.

В правой он сжимал золотой скипетр. Тяжёлый, тёплый, почти живой. Он чувствовал, как под его пальцами пульсирует металл, как скипетр будто дышит в такт его сердцу.

А в левой... в левой он держал скорпиона.

Маленького, высохшего, почти прозрачного. Тварь шевелилась, перебирая тонкими лапками, и её хвост с жалом изгибался, касаясь пальцев Рамзеса. Он чувствовал холодную, сухую кожу скорпиона, но не мог разжать пальцы. Они словно приросли к этому отвратительному, древнему тельцу.

Он попытался отбросить скорпиона — дёрнул рукой, напряг мышцы — но бесполезно. Скорпион не падал. Он полз, медленно, дюйм за дюймом, к запястью.

Рамзес поднял голову.

Вдалеке, там, где серая земля встречалась с серым небом, он увидел два силуэта.

Один был огромным — как отец, как статуя бога, которую он видел в храме Птаха. Он стоял неподвижно, и от него исходило тяжелое, давящее спокойствие.

Второй силуэт был маленьким и быстрым. Он метался вокруг первого, то приближаясь, то отдаляясь, словно муха или шакал вокруг падали.

Рамзес захотел крикнуть, но воздух, наполненный ледяным песком, вырвал крик из горла и унёс прочь. Он попытался побежать вперёд, но ноги утопали в зыбучем песке, который тянул его вниз, не давал двинуться с места.

И вдруг маленький силуэт повернулся и посмотрел прямо на него.

Рамзес не видел лица — оно было стёрто, размыто, как дым на ветру. Но глаза... глаза горели жёлтым, звериным светом. Они смотрели без страха, без почтения, без любви.

Они смотрели так, как смотрит тот, кто знает, что однажды придёт, когда его не ждут.

Рамзес дёрнулся, хотел закричать — и проснулся от того, что собственный крик застрял где-то в горле, превратившись в хриплый, короткий вздох.

За окном было предрассветное небо. Птицы чирикали. Где-то в коридоре послышались шаги слуг, начинающих свой день.

Но внутри, под рёбрами, всё ещё жило ощущение того холодного песка и тех жёлтых глаз.

Он сжал кулаки.

«Кто ты?» — спросил он у утренней тишины. Но тишина не ответила.

В Мемфисе начинался новый день — день интриг, учёбы и тихой, необъявленной войны за будущее

Дворцовая жизнь, которую Рамзес поначалу воспринимал как пышную тюрьму, раскрывала перед ним свою истинную суть: это был гигантский, сложный механизм, где каждый винтик — человек — стремился повернуть соседний, чтобы самому подняться выше. И он, наследник, был самым большим и самым лакомым винтиком из всех. От того, сумеет ли он стать не винтиком, а осью этого механизма, зависело всё.

Мемфис. Дворец фараона Сети I. 1298 год до нашей эры.

Рамзесу было шестнадцать, когда он понял, что настоящая власть пахнет не ладаном и цветами, а папирусом и высохшими чернилами.

Он сидел за низким столиком в комнате без окон, где единственным источником света была масляная лампа с двойным фитилем. Перед ним лежал свиток длиной почти в два человеческих роста — донесение от шпиона из Хеттского царства, перехваченное на границе. Рамзес читал его уже третий час подряд, но не мог оторваться. В каждой строчке, в каждом обороте фразы он пытался уловить скрытый смысл — не то, что было написано, а то, что написано не было.

«...Царь Муваталли провёл три дня в храме Тешуба, совершая жертвоприношения. Говорят, он искал знамения...»

Рамзес отложил свиток и посмотрел в стену.

— Он не искал знамения, — сказал он вслух, обращаясь к своему учителю, Хеви, который сидел в углу, делая вид, что дремлет. — Он хотел, чтобы мы узнали, что он ищет знамения. Это сигнал.

— Какой? — спросил Хеви, не открывая глаз.

— Он хочет показать, что боится. Но если он боится, почему он демонстрирует это? Значит, он не боится. Он нас дразнит.

Хеви медленно открыл глаза и посмотрел на Рамзеса.

— А если он просто глуп?

— Цари не бывают глупы, — ответил Рамзес, цитируя наставление своего отца. — Они бывают либо хитры, либо мертвы.

— Или и то, и другое сразу, — усмехнулся Хеви. — Запомни, принц: враг никогда не делает то, чего ты от него ждёшь. Он делает то, что ты боишься предположить. Поэтому первое правило разведки: читай не то, что написано, а то, что *могло* быть написано, но не было.

Рамзес снова взял свиток и пробежал глазами по строкам.

— Здесь упоминается, что Муваталли подарил своему верховному жрецу золотую чашу. Зачем это писать в донесении?

— Зачем? — Хеви притворно зевнул.

— Чтобы показать, что жрец ему верен. А если жрец ему верен, значит, заговор в храмах невозможен. А если заговор невозможен, значит... значит, он хочет, чтобы мы думали, что заговора нет. Но заговор есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.